

Взор

**Санаторий для
ИНКВИЗИТОРА**

Максим Взор

Санаторий для Инквизитора

<https://litres.ru/74443673>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать лет у руля санатория научили Варвару Михайловну главному: нет безвыходных ситуаций, есть плохие главврачи и недостаток финансирования. Вот только умереть от инфармата на планёрке из-за прорванной трубы и очнуться в теле опозоренной баронессы в магическом мире — это даже для неё перебор.

В наследстве новой хозяйки — разрушенная усадьба, огромные долги, хромая лошадь и проклятое болото, в котором, по слухам, живут демоны. Но Варвара (теперь Элиана) видит не проклятие, а целебные термальные источники и уникальные торфяные грязи! Остался сущий пустяк: отмыть палаты, разогнать пауков, навязать веников и поставить на ноги первого пациента.

А первым пациентом оказывается... Верховный коронный инквизитор Северин Арден. Мрачный, смертельно опасный, покрытый шрамами и проклятый до самых костей, которого она лично вытащила из трясины за шиворот. Он привык повелевать и сжигать еретиков, но в «Сосновом бору» свои законы

Максим Взор

Санаторий для Инквизитора

Глава 1. Последняя планёрка главврача

— Если эта труба рванёт, я лично переселю вас в котельную, — сказала я завхозу.

Голос у меня был спокойный. Очень спокойный. Именно поэтому Семён Петрович побледнел и снял кепку.

— Варвара Михайловна, она не рванёт.

Над его головой содрогнулась толстая труба. Из стыка вырвалась струйка пара.

— Конечно, не рванёт. Она просто решила немного пошвистеть перед смертью.

— Мы хомут поставим.

— Вы его в феврале поставить обещали.

— Так ведь уже почти поставили.

Я посмотрела на календарь. Двадцать восьмое ноября.

За окном сыпал мокрый снег, в коридоре пахло варёной капустой, хлоркой и хвойным экстрактом, а у двери котельной терпеливо ожидала комиссия из области. Три человека в одинаково серых пальто приехали выяснять, почему наш санаторий расходует на отопление на двенадцать процентов

больше положенного.

Я знала почему.

Потому что трубы были старше главного корпуса. Потому что половина окон заклеивалась ватой. Потому что обещанные средства на ремонт второй год растворялись где-то между областным управлением и районной бухгалтерией. И потому что Семён Петрович считал профилактику западной выдумкой.

— Перекрывайте контур, — распорядилась я.

— Тогда в четвёртом корпусе батареи остынут.

— Переселим пациентов в третий.

— Там ремонт.

— Значит, закончите его сегодня.

— Но...

— Семён Петрович.

Завхоз сглотнул и потянулся к вентилю.

Я проработала в санаториях тридцать лет. Начинала молоденьким физиотерапевтом, потом заведовала отделением, затем стала заместителем, а последние одиннадцать лет занимала кресло главного врача. Кресло, к слову, было продавленное и скрипело, зато ответственности к нему прилагалось столько, будто оно стояло в министерском кабинете.

Я умела по запаху определять, кто пережёт парафин. С первого взгляда видела, когда медсестра разбавила хвойный концентрат сильнее положенного. Знала, как успокоить капризного отдыхающего, приструнить проверяющего и заста-

вить поставщика привезти свежие простыни вместо серых тряпок.

А ещё я знала, что если старая труба начала петь, бежать нужно немедленно.

Труба взвыла.

— Все наружу! — крикнула я.

Комиссия исчезла первой. За ней выскочили рабочие. Семён Петрович всё ещё возился с вентилем.

Я схватила его за воротник и дёрнула на себя.

Стык лопнул.

Котельную заволокло паром. Пол ушёл из-под ног, в груди что-то сжалось — резко, страшно, до темноты перед глазами. Я успела подумать, что всё-таки переселила завхоза в котельную, только сама осталась вместе с ним.

Потом мир погас.

Очнулась я от холода.

Лежала лицом на каменном полу. Под щекой была пыль, в носу щекотало, а сверху капала вода.

Кап.

Кап.

Кап.

Я открыла глаза.

Никакой котельной вокруг не было.

Надо мной темнел высокий потолок, покрытый пятнами плесени. Со стены свисал выцветший гобелен с оленем, похожим на ощипанную козу. В узкое окно бил дождь, и тяжё-

лая портьера вздувалась от ветра.

Первым делом я проверила пульс.

Ровный. Быстроватый, но после такого удивляться нечему.

Вторым делом попыталась сесть и обнаружила на себе длинное платье. Когда-то, вероятно, дорогое. Сейчас мятое, с оборванным кружевом и пятнами у подола.

Руки тоже были не мои.

Тонкие пальцы. Никаких возрастных пятен. Никакой мозоли от авторучки. На безымянном пальце — след от недавно снятого кольца.

Я потрогала лицо.

Кожа гладкая. Подбородок узкий. Волосы длинные, спутанные и мокрые.

— Это insult, — сказала я вслух.

Голос оказался молодым и звонким.

— С выраженными зрительными и тактильными галлюцинациями.

Дверь со скрипом приоткрылась.

В комнату заглянула старуха в тёмном платье и белом переднике. Увидев меня, она ахнула и перекрестилась.

— Госпожа баронесса! Вы очнулись!

— Какая ещё баронесса?

Старуха заплакала.

Не тихо и благородно, а по-настоящему: с всхлипываниями, дрожащим подбородком и попытками вытереть лицо уг-

лом передника.

— Я-то думала, всё... Я-то думала, вслед за батюшкой вашим... А вы на полу... И пузырьёк рядом...

Она указала на опрокинутый стеклянный флакон. От него пахло горьким миндалём.

Я немедленно отползла подальше.

— Окно откройте.

— Там дождь.

— Окно. Откройте. Проветрить помещение. Пузырёк руками не трогать.

Старуха подчинилась, хотя посмотрела на меня так, словно я потребовала впустить в дом дракона.

Я поднялась. Колени дрожали, но тело оказалось здоровым. Молодым. Слишком лёгким и непривычным.

На туалетном столике стояло треснувшее зеркало.

Из него на меня смотрела девушка лет двадцати пяти. Бледная, с огромными серыми глазами, тёмными волосами и синеватой тенью вокруг губ.

Отравление.

Не смертельное — по крайней мере, теперь. Но та, другая, вполне могла умереть. И, судя по всему, умерла.

А я заняла её место.

— Как меня зовут? — спросила я.

Старуха побледнела ещё сильнее.

— Элиана. Баронесса Элиана Вельская.

— А вас?

— Домна Прохоровна. Я вас с младенчества знаю.

— Прекрасно, Домна Прохоровна. Теперь рассказывайте.

Где мы? Что произошло? Почему в комнате плесень? Почему течёт крыша? И кто отвечает за состояние здания?

Старуха несколько раз моргнула.

— Вы... отвечаете.

Я посмотрела на потолок.

Сверху снова капнуло.

Капля упала точно мне на лоб.

— Понятно, — сказала я. — Значит, начинаем с обхода.

— Какого обхода?

— Полного. Палаты, пищеблок, котельная, прачечная, хозяйственные помещения.

— Госпожа баронесса, у нас нет палат.

— Будут.

— И котельной нет.

— Значит, построим.

— А пищеблок...

— Кухня есть?

— Есть.

— Вот с неё и начнём.

Домна Прохоровна глядела на меня со смесью испуга и надежды.

— Может, вам полежать?

— Я уже полежала. Не понравилось.

Я подобрала юбки и направилась к двери. На пороге при-

шлось остановиться: коридор за ней был тёмным, холодным и таким запущенным, что даже я растерялась.

Обои висели клочьями. По полу тянулись следы от протекающей крыши. В углу паук размером с блюдце неспешно обматывал добычу.

Я прищурилась.

Паук замер.

— И санитарное состояние неудовлетворительное, — объявила я.

Паук, кажется, понял, что речь о нём, и поспешил скрыться.

Правильно сделал.

Главный врач прибыл.

Глава 2. Наследство с плесенью

За два часа я выяснила, что являюсь обладательницей трёх десятков комнат, семи исправных стульев, двух дырявых крыш, одной хромой лошади и долгов на сумму, которую Домна Прохоровна боялась произносить вслух.

— Двенадцать тысяч золотых марок, — наконец прошептала она.

— Сколько стоит корова?

— Хорошая — двадцать.

Я мысленно перевела долг в коров.

Получилось шестьсот голов.

Стадо впечатляло.

— А доход?

Домна опустила глаза.

— Никакого.

— Земля?

— Болото.

— Лес?

— За болотом.

— Поля?

— Кислые. Урожай почти не дают.

— Арендаторы?

— Разбежались.

— Скот?

— Коза.

— Вы сказали, у нас хромая лошадь.

— Лошадь тоже. Но молока от неё нет.

Спорить было трудно.

Мы находились в бывшем кабинете барона — комнате с огромным столом, пустыми книжными шкафами и мышинным гнездом в ящике для бумаг. Передо мной лежала амбарная книга. Цифры в ней выглядели достаточно знакомо, хотя буквы сперва казались чужими.

Стоило сосредоточиться, и смысл проступал сам собой. Видимо, тело Элианы помнило язык, письмо и местные деньги. Очень удобно. Хотя какая-то компенсация за смерть на рабочем месте.

— Теперь про скандал, — сказала я.

Домна тяжело вздохнула.

Из сбивчивого рассказа выяснилось, что Элиана Вельская была сиротой, воспитывалась у столичных родственников и собиралась выйти замуж за маркиза Лазара Ронвеля. За неделю до свадьбы её обвинили в краже фамильного ожерелья и связи с конюшим.

Ни ожерелья, ни конюшего не нашли.

Зато нашли письмо, в котором Элиана якобы признавалась сразу во всём.

Жених расторг помолвку. Родственники объявили девушку неблагодарной. В обществе её перестали принимать. В конце концов Элиану отправили в единственное принадлежавшее ей имение — подальше от столицы и приличных людей.

Здесь она получила требование немедленно выплатить старые долги отца.

А вчера вечером выпила яд.

— Значит, ожерелье пропало, любовник испарился, а виноватой назначили хозяйку, — подытожила я. — Типичная работа комиссии с заранее готовым заключением.

— Какой комиссии?

— Неважно. Завещание есть?

— В архиве должно быть.

— Долговые расписки?

— У господина Плица, управляющего.

— Где управляющий?

Домна неловко кашлянула.

— Уехал.

— Давно?

— Через день после вашего приезда.

— С деньгами?

Домна посмотрела в окно.

— Замечательно.

Я записала имя управляющего в найденную на столе тетрадь. Перо царапало бумагу, чернила расплывались, но список получился внушительный:

Найти управляющего.

Разобраться с долгами.

Починить крышу.

Проверить кухню и колодец.

Выгнать пауков.

Не умереть повторно.

Последний пункт подчеркнула дважды.

— Показывайте хозяйство.

Кухня оказалась большой, закопчённой и почти пустой. В кладовой нашлись два мешка крупы, связка лука, сушёные яблоки и окорок, такой твёрдый, что им можно было отбиться от грабителей.

В людской жил пятнадцатилетний Филька — конюх, истопник и мастер на все руки. Он был худ, лопоух и смотрел на меня с почтительным ужасом.

— Печь когда чистили? — спросила я.

— Весной.

— Какого года?

Филька задумался.

Я закрыла глаза.

— Сегодня вычистишь. Потом проверишь дымоходы во всех комнатах.

— Во всех?

— В жилых. Остальные закроем, чтобы не топить улицу.

— А пауки?

— Выселить.

Из кухни мы перешли к бане.

Вот там я остановилась.

Отдельный каменный флигель стоял за домом, возле заросшего пруда. Крыша просела, дверь висела на одной петле, но внутри сохранились печь, просторная парная и две глубокие медные купели.

Я провела пальцем по бортику.

Медь. Настоящая. Почерневшая, но целая.

— Почему не пользуетесь?

— Воды много нужно, — ответила Домна. — Да и печь дымит.

Я заглянула в топку. Колосники прогорели, заслонку заело, дымоход наверняка зарос сажей. Но всё можно было восстановить.

— Источник далеко?

— За прудом ручей. Только вода в нём странная.

— Какая?

— Тёплая. Даже зимой.

Я медленно обернулась.

— Повторите.

— Тёплая вода. От болота течёт. Пахнет нехорошо, и на камнях белый налёт. Её не пьют. Скотину тоже не поят.

Сердце забилося быстрее.

Тёплый источник. Запах. Минеральный налёт.

— Ведите меня туда.

— Сейчас дождь.

— Я не сахарная.

— Там трясина.

— У меня тридцать лет опыта хождения по территории санатория после первого гололёда. Трясиной меня не испугать.

Домна ничего не поняла, но спорить не стала.

Через четверть часа я стояла у края заросшего пруда, кутаясь в старый плащ. Из-под корней ивы вытекал узкий ручей. Над водой поднимался едва заметный пар.

Я присела, зачерпнула немного в ладонь и осторожно понюхала.

Сероводород.

Температура — на ощупь градусов тридцать восемь или сорок. На камнях светлый минеральный осадок. Вода прозрачная. Течение устойчивое.

— Домна Прохоровна, — произнесла я, — у нас не болото.

— А что?

— У нас водолечебница.

— Проклятая?

— Доходная.

Я смотрела на пар, поднимающийся над ручьём, и впервые после пробуждения мне захотелось улыбнуться.

Крыша текла. Денег не было. Репутация новой хозяйки лежала глубоко под плинтусом. Зато под землёй бил природный тёплый источник, а вокруг него веками накапливался торф.

У меня были грязи.

У меня были минеральные воды.

И если этот мир хоть немного походил на мой прежний, очень скоро у меня появились бы пациенты.

Оставалось выяснить, насколько далеко простирается источник.

— Завтра пойдём на болото, — решила я.

Домна побледнела.

— Госпожа баронесса, туда нельзя.

— Почему?

— Оно дышит.

Я посмотрела на клубящийся над камнями пар.

— Прекрасно. Значит, не пересохло.

Глава 3. Болото, которое дышит

На болото мы отправились втроём.

Я несла корзину с банками, ножом, верёвкой и деревян-

ной ложкой. Филька — длинный шест. Домна Прохоровна — святую воду, связку чеснока и выражение человека, заранее недовольного собственными похоронами.

— Ещё раз спрашиваю, — сказала она, пока мы пробирались через мокрый ельник. — Зачем вам грязь?

— На анализ.

— Вы будете её пробовать?

— Нет.

— А как узнаете, лечебная она или нет?

— По составу, запаху, структуре, реакции при высыхании.

В идеале нужна лаборатория.

— Кто такая лаборатория?

— Место, где люди в белых халатах доказывают то, что я и так подозреваю.

Филька оглянулся.

— А если грязь проклятая?

— Значит, будет лечебно-проклятая. Вывеску потом придумаем.

Под ногами хлюпало. Чем ближе мы подходили к топи, тем теплее становился воздух. Снег здесь не лежал, хотя на опушке уже белели первые сугробы. Среди бурой травы зеленел мох, а над чёрными лужами плавали клочья тумана.

Болото действительно казалось живым.

Оно вздыхало.

Где-то под торфом лопались пузыри. Вода колыхалась без ветра. Между кочек тянулись тонкие ручейки, и над некото-

рыми поднимался пар.

Я опустила ложку в ближайшую лужу, набрала грязь и растёрла между пальцами. Однородная, пластичная, без крупных примесей. Запах специфический, но знакомый.

— Прекрасно, — пробормотала я.

— Что именно? — насторожилась Домна.

— Консистенция.

— Оно воняет.

— Хорошая лечебная грязь и должна пахнуть так, чтобы пациент сразу понимал: за свои деньги он получает нечто серьёзное.

Филька фыркнул.

Домна погрозила ему чесноком.

Я наполнила первую банку, затем вторую. В третью набрала воду. На крышках углём обозначила места отбора проб.

Даже без приборов было ясно: источник крупный. Возможно, сеть горячих ключей проходила под всей усадьбой. Если расчистить русло, укрепить дорожки, восстановить баню и наладить подачу воды...

Я уже мысленно видела купальни. Отдельные комнаты. Печи. Паровое отделение. Грязелечебницу. Небольшой зал для гимнастики. Травяные чаи после процедур.

— Слышите? — вдруг спросил Филька.

Я замерла.

Где-то впереди плеснула вода.

— Лягушка, — сказала Домна.

— Большая, — прошептал мальчишка.

Из тумана донёлся глухой стон.

Домна вскинула святую воду.

— Не приближайтесь, госпожа! Топь заманивает голоса-ми!

— Топь не разговаривает.

— Эта разговаривает.

— Тогда выясним, чего ей надо.

Я двинулась на звук, проверяя землю шестом. Филька, покачивавшись, последовал за мной. Домна осталась на месте, но через несколько секунд догнала нас, бормоча под нос защитные слова.

За полосой камыша обнаружилась большая заводь. Посреди неё возвышалась кочка, а рядом из грязи торчала человеческая рука.

Филька пискнул.

Рука шевельнулась.

— Живой! — Я шагнула вперёд.

— Стойте! — хрипло донеслось из тумана. — Справа провал.

Я замерла и проверила землю шестом. Он ушёл в трясину почти целиком.

— Разговаривает разумно, — признала я. — Уже хорошо.

Мы обошли провал слева. Постепенно в тумане проступил мужчина. Он застрял почти по пояс, одной рукой держался за корень, второй сжимал короткий чёрный клинок.

Лицо было бледным, волосы прилипли ко лбу. На щеке тянулась свежая царапина. Дорогой тёмный плащ пропитался болотной водой и тянул вниз.

— Оружие уберите, — приказала я.

Мужчина поднял голову.

Глаза у него оказались почти чёрными и очень недобрыми.

— Назовитесь.

— Сначала уберите нож.

— Это не нож.

— Какая разница? Вы застряли в болоте. Я стою на суше. Значит, командую я.

Он посмотрел на меня долгим тяжёлым взглядом. У обычного человека от такого взгляда наверняка задрожали бы колени.

Я одиннадцать лет проводила утренние совещания с заведующими отделениями. Меня этим было не взять.

— Вытащите меня, — произнёс он.

— Волшебное слово?

— Немедленно.

— Неправильное.

Его пальцы соскользнули с корня. Мужчина погрузился глубже и едва удержался.

— Пожалуйста, — процедил он.

— Вот теперь можно работать.

Верёвку обвязали вокруг ближайшей сосны. Филька лёг

на кочку, я закрепила на шесте петлю и протянула её незнакомцу.

— Под мышками пропустите.

— Я знаю, как пользоваться верёвкой.

— Судя по вашему нынешнему положению, знания у вас чисто теоретические.

Домна сдавленно охнула.

Незнакомец ничего не ответил. Только затянул петлю и кивнул.

Вытаскивали его втроём. Верёвка резала ладони, сапоги скользили, Домна командовала всеми святыми сразу, а Филька сопел так, будто двигал усадьбу.

Наконец трясина издала неприличный чавкающий звук и отпустила пленника.

Мужчина рухнул на мох.

Я сразу опустилась рядом, проверила дыхание и коснулась его лба.

Кожа была ледяной.

Не прохладной после болота — именно ледяной. На воротнике поблёскивал иней, хотя вокруг поднимался тёплый пар.

— В дом его, — приказала я.

— Не нужно, — сказал мужчина.

Он попытался подняться и тут же качнулся.

— Ещё как нужно.

— Я должен идти.

— Вы должны лежать, греться и не спорить с врачом.

— С кем?

Я взялась за его руку, пытаюсь нащупать пульс.

Слишком редкий. Неровный.

— Со мной.

Его взгляд на миг прояснился.

— Вы не похожи на лекаря.

— А вы не похожи на умного человека, но я же молчу.

Филька закашлялся, скрывая смех.

Мы подняли незнакомца. Он оказался высоким и тяжёлым. Под грязным плащом обнаружилась кожаная куртка с металлическими пластинами, пояс с пустыми футлярами и серебряный знак, который он тут же спрятал.

Каторжник так не одевался.

Разбойник — возможно.

Очень неприятный чиновник — наиболее вероятно.

— В баню, — распорядилась я.

Домна замахала руками.

— Она не топлена!

— Значит, растопим.

— Печь дымит!

— Починим.

— А если он умрёт?

Я посмотрела на посиневшие губы незнакомца.

— Тогда желательно не на моей территории. У нас и без того репутация плохая.

Мужчина открыл глаза.

— Я всё слышу.

— Отлично. Значит, состояние пока не безнадёжное.

Глава 4. Не лезь в чан с кипятком

Баню мы запустили за два часа.

Филька прочистил дымоход, я сама поставила на место заклинившую заслонку, а Домна таскала воду и непрерывно причитала. Незнакомца уложили в предбаннике на широкую лавку, сняли с него мокрый плащ и сапоги.

С остальной одеждой возникли сложности.

— Раздевайтесь, — сказала я.

Мужчина приоткрыл глаза.

— Нет.

— На вас мокрое.

— Я заметил.

— Тогда к чему этот бессмысленный героизм?

— Выйдите.

— Я врач.

— Вы баронесса.

— Одно другому не мешает.

— Обычно мешает.

Его трясло так сильно, что лавка постукивала по полу. На висках выступил иней. Такое переохлаждение не сочеталось ни с ясным сознанием, ни с нормальным цветом кожи. Передо мной была патология, которой в моём прежнем мире

не существовало.

Но базовые принципы никто не отменял.

Мокрую одежду снять. Согревать постепенно. Следить за дыханием и сердцем. Не позволять пациенту совершать глупости.

Последнее всегда было труднее всего.

— Или вы раздеваетесь сами, или я позову Домну Прохоровну, — предупредила я. — Она вооружена ножницами и не испытывает уважения к дорогой ткани.

— Это угроза?

— Медицинская рекомендация.

Он попытался расстегнуть куртку. Пальцы не слушались.

Пришлось помогать.

Под одеждой обнаружилось крепкое тело, покрытое старыми шрамами. На левом боку темнел странный рисунок: тонкие чёрные линии расходились от рёбер и будто шевелились под кожей.

Я наклонилась ближе.

Линии отпрянули.

— Что это?

Мужчина перехватил моё запястье.

Несмотря на дрожь, хватка у него была железная.

— Не касайтесь.

— Больно?

— Опасно.

— Для кого?

— Для вас.

Я высвободила руку.

— Тогда тем более нужно осмотреть.

— Вы всегда игнорируете предупреждения?

— Только непрофессиональные.

Он уставился на меня, как на особо неприятную загадку.

Домна принесла сухую рубаху покойного барона. Пока мужчина переодевался, мы наполнили одну из купелей тёплой водой. Не горячей — именно тёплой. Я проверяла температуру локтем, проклиная отсутствие термометра.

— Маловато будет, — сказала Домна.

— Для начала достаточно.

— Он же весь ледяной.

— Если сразу сунуть его в кипяток, лучше не станет.

Мужчина, видимо, услышал только последнее слово.

Когда я отвернулась к столу, он встал и, пошатываясь, направился ко второй купели. Туда Филька как раз вылил котёл почти кипящей воды.

— Стойте! — крикнула я.

Незнакомец опёрся рукой о бортик.

— Мне нужно тепло.

— Не лезь в чан с кипятком, ошпаришься!

Он обернулся.

Тут выяснилось, что смотреть свысока можно даже босиком, в чужой рубахе и с прилипшим к виску болотным мхом.

— Как вы со мной разговариваете?

— Как с человеком, который решил сварить себя заживо.
Отойдите от купели.

— Я невосприимчив к обычному жару.

— А кожа об этом знает?

— Баронесса...

— На лавку!

Он сделал шаг ко мне.

Я взяла ковш.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

— Вы не посмеете, — сказал он.

Я зачерпнула холодной воды.

Мужчина вернулся на лавку.

— Вот и разумница.

— Когда я восстановлю силы, — сообщил он, — вы пожалеете об этом обращении.

— Запишитесь в очередь. У меня первым управляющий, сбежавший с деньгами.

Мы посадили его в тёплую купель. Я следила за цветом кожи, дыханием и пульсом. Дрожь постепенно ослабла, но чёрные линии на боку стали заметнее.

Стоило добавить немного горячей воды, как они будто втянулись глубже.

Любопытно.

Я растёрла в миске сухую горчицу, которую нашла на кухне.

— Что это? — подозрительно спросил пациент.

— Горчица.

— Я вижу.

— Значит, зрение в норме.

— Зачем она?

— Согревающая процедура.

— Нет.

— Да.

— Я не позволю мазать себя приправой.

— Тогда будете мёрзнуть без приправы.

Я приготовила ткань для обёртывания.

Он смотрел на неё так, будто я разложила инструменты для пытки.

— Вы действительно лекарь?

— Тридцать лет стажа.

— Вам нет и тридцати.

Я замерла.

Тело Элианы и правда было молодым. Я ещё не привыкла, что теперь мои слова противоречат моему лицу.

— Очень рано начала, — сухо сказала я.

— Насколько рано?

— Не отвлекайтесь. Руки поднимите.

— Я не стану...

Приступ начался внезапно.

Мужчина судорожно вдохнул. Вода в купели за несколько секунд покрылась тонкой коркой льда. По стене за его спиной метнулась тень, хотя пламя свечей не дрогнуло.

Я бросилась к нему.

— Домна, одеяла! Филька, ещё дров!

Чужая тень вытянулась по полу, поднялась по стене и расправила неясные плечи. Из углов донёсся шёпот.

Незнакомец стиснул зубы.

— Уходите.

— Не дождётесь.

— Она перейдёт на вас.

— Кто?

Он поднял на меня глаза. Радужка почти исчезла, залитая чернотой.

— Моя смерть.

Тень рванулась от стены.

Я схватила ковш и выплеснула в неё воду с горчицей.

Раздалось шипение.

Тень отшатнулась.

Все замерли.

Я посмотрела на пустой ковш.

Потом на тёмное пятно, которое стремительно втягивалось обратно под купель.

— Так, — сказала я. — Горчицу оставляем.

Глава 5. Пациент особого назначения

Ночь мы пережили.

Именно пережили, потому что обычным лечением происходящее назвать было трудно.

Каждые два часа ледяной приступ повторялся. Сначала у

пациента синели пальцы, потом на коже проступали чёрные линии, а затем оживала его тень. Она тянулась к огню и пыталась погасить его, будто питалась холодом.

Я согревала мужчину постепенно, меняла компрессы, заставляла пить тёплый отвар и следила, чтобы он не потерял сознание. Горчица действительно замедляла расползание тёмных линий. Ещё лучше подействовала смесь болотной грязи и минеральной воды, которую я нанесла на небольшой участок кожи.

Тень под ней затихла.

Это не укладывалось ни в одну знакомую мне медицинскую систему, но результат был очевиден.

— Что вы сделали? — спросил мужчина, когда приступ отступил.

— Аппликацию.

— Это грязь.

— Лечебная.

— Она пахнет болотом.

— Потому что с болота.

Он посмотрел на меня с глубокой обречённостью.

— Я попал в руки сумасшедшей.

— А я вытащила из трясины неблагодарного. У каждого свои испытания.

К утру пациент уснул. Я сидела рядом, завернувшись в одеяло, и записывала наблюдения.

Приступы через равные промежутки. Снижение темпе-

ратуры тела без обычных признаков переохлаждения. Проявление самостоятельной тени. Положительная реакция на тепло, горчицу и минеральную грязь.

Внизу страницы добавила:

Характер тяжёлый. Режим соблюдать не склонен.

Последнее подчеркнула.

На рассвете во дворе залаяли собаки.

Почти сразу распахнулась дверь бани. Внутри ворвались четверо мужчин в одинаковых чёрных плащах. У каждого на груди серебряным огнём сиял знак в виде глаза, пересечённого мечом.

Первый поднял руку, и на его ладони возникло синее пламя.

— Отойдите от него!

Я не двинулась.

— Потихе. Пациент только уснул.

Мужчина растерялся.

Остальные тоже.

— Кто вы? — спросил он.

— Хозяйка усадьбы. А вы кто такие и почему входите без стука?

— Мы ищем...

На лавке за моей спиной зашевелились.

— Кайр, — хрипло произнёс пациент. — Убери пламя.

Синий огонь погас.

Все четверо одновременно опустили на одно колено.

— Ваше Высокопревосходительство!

Я медленно повернула голову.

Незнакомец сидел, опираясь спиной о стену. Выглядел он по-прежнему плохо, но в глазах снова появилась сталь.

— Высокопревосходительство? — переспросила я.

Он прикрыл глаза.

— Северин Арден, — отчеканил человек по имени Кайр.

— Верховный коронный инквизитор, хранитель имперской печати расследований, глава Третьей палаты.

Я посмотрела на болотный мох, всё ещё запутавшийся в волосах пациента.

— Понятно.

Кайр уставился на мокрые полотенца, миску с грязью и горчичные салфетки.

— Что вы с ним сделали?

— Вытащила из болота. Раздела. Вымыла. Намазала горчицей.

У одного из прибывших дёрнулся уголок рта.

Кайр побелел.

— Вы хоть понимаете, с кем...

— Понимаю. С пациентом, который нарушает предписания, спорит и пытается залезть в кипяток.

— Баронесса, — тихо произнёс Северин.

— Молчите. Вам вредно волноваться.

Человек, способный зажигать на ладони синее пламя, перевёл взгляд с меня на своего начальника.

— Ваше Высокопревосходительство, прикажете её задержать?

— За что? — спросила я.

— За непочтительность.

— Тогда задерживайте и его. Он вчера отказался говорить «пожалуйста».

Северин медленно провёл ладонью по лицу.

— Все выйдите.

— Но...

— Кайр.

Четверо мужчин исчезли за дверью.

Я поправила одеяло на плечах пациента.

— Значит, Инквизитор.

— Вас это пугает?

— Меня пугал главбух перед квартальным отчётом. Вы пока не дотягиваете.

— Кто такой главбух?

— Человек пострашнее вас.

В дверь осторожно постучали. На этот раз вошёл седой мужчина в дорогом дорожном костюме. Он представился магистром Ортенем, личным врачом Северина.

Магистр осмотрел пациента при помощи светящегося кристалла. Чем дольше он смотрел, тем сильнее хмурился.

— Печать нестабильна, — наконец сказал он. — Распад ускорился.

— Но приступы стали короче, — заметила я.

Ортен оглянулся на меня.

— Простите?

Я показала записи.

— Ночью было четыре приступа. Первый длился около двадцати минут, последний — меньше семи. Промежутки увеличились. Чёрные линии отступили после грязевой аппликации.

— Грязевой?

Магистр посмотрел на миску.

Его лицо выразило такую боль, словно грязь нанесла оскорбление лично ему.

— Баронесса, проклятия не лечат болотом.

— А вы пробовали?

— Это противоречит основам высокой магической медицины.

— То есть не пробовали.

Северин негромко кашлянул, скрывая то ли смех, то ли новый приступ.

Ортен поднёс к его груди кристалл.

— Удивительно.

— Что именно? — спросил Кайр из-за двери.

— Уровень теневого заражения снизился почти на одну девятую.

В бане стало тихо.

Ортен снова посмотрел на мою миску. Теперь уже без презрения.

— Что входило в состав?

— Местная торфяная грязь, вода из тёплого источника и немного горчицы.

— Заклинания?

— Ни одного.

— Алхимические стабилизаторы?

— Нет.

— Кровь редкого существа?

— Даже не предлагайте. У меня и без того расходы.

Магистр нахмурился.

— Нужно немедленно доставить его в столицу и повторить процедуру в контролируемых условиях.

— Нет, — одновременно сказали мы с Северином.

Я посмотрела на него.

Он — на меня.

— Дороги перекрыты, — пояснил Инквизитор. — Те, кто наложил проклятие, считают меня погибшим. Пока это даёт преимущество.

— А я не отдам вам пациента сразу после начала лечения, — сказала я. — Особенно для перевозки в таком состоянии.

— Он не ваш пациент.

— Ночевал в моей бане, ел мою горчицу, испортил льдом две простыни. Мой.

Кайр снова заглянул внутрь.

— Ваше Высокопревосходительство?

Северин посмотрел на чёрные линии у себя на боку. Те

стали тоньше, но не исчезли.

— Мы остаёмся, — решил он.

— На каких условиях? — спросила я.

Он вскинул бровь.

— Условиях?

— Это частная лечебница.

Домна, стоявшая у печи, тихо ахнула. До этой минуты у нас не было никакой лечебницы, но подробности совершенно не требовались.

— За лечение нужно платить, — продолжила я. — Проживание, питание, процедуры и испорченные простыни считаются отдельно.

— Вы требуете денег с главы Инквизиции?

— Я требую денег с человека, которого вытащила из борта.

— Мои вещи и кошель остались там.

— Тогда у вас проблема.

Северин прищурился.

— Вы откажете мне в помощи?

— Нет. Но долг запишу.

— И какова стоимость?

Я посмотрела на покосившуюся дверь, пустую дровницу и незакреплённую купель.

— Рассчитаемся натурой.

Воцарилась очень выразительная тишина.

Домна выронила полотенце.

Кайр поперхнулся воздухом.

Даже магистр Ортен отвёл глаза.

Я нахмурилась.

— Что?

Северин рассматривал меня с новым, почти научным интересом.

— Уточните, баронесса.

— Дрова будете колоть.

Кайр за дверью издал странный звук.

— Ещё крышу почините, — продолжила я. — И баню. У вас четверо здоровых подчинённых без видимых противопоказаний к физическому труду. Пусть тоже помогают.

Верховный коронный инквизитор молчал.

— Что-нибудь ещё? — наконец спросил он.

— Пауки.

— Что — пауки?

— В углах. Меня бесят.

Глава 6. Скипидар против проклятия

К полудню в бывшей гостевой комнате появился первый в истории Тихих Ключей режимный лист.

Я прибила его к двери.

Пациент: Северин Арден.

Подъём: восемь часов.

Осмотр: восемь пятнадцать.

Завтрак: восемь тридцать.

Прогревание, грязевые аппликации, лечебная гим-

настика — согласно назначению.

Запрещается: покидать территорию, применять магию без разрешения, скрывать симптомы, пугать персонал, залезать в кипяток.

Внизу я приписала:

За нарушение режима — ромашковая клизма.

Северин читал молча.

За его спиной стояли Кайр и ещё двое инквизиторов. Четвёртого отправили на болото за вещами начальника.

— Последняя строка обязательна? — спросил Северин.

— Исключительно.

— Каким образом эта процедура воздействует на проклятие?

— На проклятие — никак. Зато прекрасно воздействует на дисциплину.

Кайр отвернулся к окну.

— Что такое лечебная гимнастика? — спросил Северин.

— Узнаете после завтрака.

— Я умею владеть своим телом.

— Вчера ваше тело лежало в трясине.

— На меня напали.

— Болото?

Он промолчал.

Я сняла с его плеча одеяло и проверила чёрные линии. За утро они снова потемнели. Кожа вокруг оставалась холодной.

— Приступ приближается, — сказала я.

Магистр Ортен кивнул:

— Через два часа. Может быть, раньше.

— Тогда начинаем процедуру.

Для ванны я подготовила тёплую минеральную воду. Настоящего аптечного скипидара в усадьбе, разумеется, не было, зато в сарае обнаружилась банка очищенной сосновой живицы. Из неё Домна готовила мазь от прострела.

Я не собиралась лить смолу в купель. Сначала сделала слабую эмульсию и проверила её на маленьком участке кожи. Никакого сильного покраснения не появилось, зато чёрная линия под каплей заметно дрогнула.

— Интересная реакция, — пробормотала я.

— Вы говорите так, будто ставите опыт, — заметил Северин.

— Так и есть.

— На мне?

— Можете вернуться в болото.

Он снял рубаху.

— Продолжайте.

Я добавила небольшое количество хвойной эмульсии в купель. Вода стала молочно-белой, запахла лесом и горячей древесиной.

Северин погрузился в неё и сразу нахмурился.

— Щиплет.

— Сильно?

— Терпимо.

— Голова кружится?

— Нет.

— Дышать тяжело?

— Нет.

— Сердцебиение?

— В норме.

— Желание командовать окружающими?

— Усилилось.

— Это хроническое.

Я следила за временем по песочным часам. Через несколько минут кожа пациента порозовела, а чёрные линии начали отступать к рёбрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.